

УДК 316.4

ВЛАДИМИР ДУБРОВСКИЙ,

старший экономист, член наблюдательного совета Центра социально-экономических исследований CASE Украина

ЯНУШ ШИРМЕР,

доктор философии, профессор, глава наблюдательного совета Центра социально-экономических исследований CASE Украина (Польша)

УИЛЬЯМ ГРЕЙВС-ТРЕТИЙ,

доктор философии, профессор Университета Браунт (США)

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВАХА,

доктор философских наук, заведующий отделом истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

АЛЕКСЕЙ ГАРАНЬ,

доктор политических наук, профессор НаУКМА, научный директор Школы политической аналитики

РОСТИСЛАВ ПАВЛЕНКО,

кандидат политических наук, доцент, директор Школы политической аналитики

Движущие силы нежелательных реформ: уроки украинского переходного периода¹

¹ Исследование подготовлено в рамках Глобального исследовательского проекта «Понимание реформ», реализуемого Глобальной исследовательской сетью (GDN) (полный

Аннотация

В работе исследуются политико-экономические механизмы, ведущие к экономическим реформам, даже если государство "захвачено" искателями ренты¹, как это было с Украиной в 1990-е годы. Мы доказываем, что поиск ренты может быть устойчивым в течение длительного времени явлением, только если участники процесса принудительно координирует авторитарный арбитр — если только социальный капитал не окажется довольно мощным, чтобы самостоятельно решить проблемы координации. Такое построение взаимосвязано с человеческой пассивностью и неспособностью постичь преимущества рыночной координации на основе прав частной собственности.

Пока не произойдет такой смены общественного сознания, когда уже возникшие рыночные институты начнут вытеснять структуры, связанные с поиском ренты, ослабление авторитарного контроля и координации в результате технического и общественного прогресса будут оставаться главным долгосрочным фактором реформ. Хотя подобное ослабление не только не может остановить поиск ренты, но даже способно облегчить его, недостаток контроля делает его неустойчивым и, в конечном счете, требует замены принудительной координации рыночной на основании общей защиты прав собственности. С другой стороны, чем дольше продолжается эта стадия, тем более сильными становятся промежуточные (нередко неофициальные и даже незаконные) социальные структуры и практики поиска ренты, подпитываемые поступлениями из неконтро-

текст под ред. Владимира Дубровского, Януша Ширмера и Уильяма Грейвса-третьего см. <http://www.case-ukraine.com.ua/u/db/e8aa3254b05fb9994debbbb73de911f6.pdf>). Авторы выражают благодарность: Малгожате Якубяк, Сергею Киселеву, Ирине Клименко, Оксане Новоселецкой и Алексею Шаповалову за их ценный вклад; Виктору Лисицкому, Александру Пасхаверу, Владимиру Лановому и Владимиру Золотареву — за интервью и полезные обсуждения; Маргарите Балмаседе, Константину Сонину, а также преподавательскому составу и участникам: Практического семинара GDN "Понимание реформ" (Нью-Дели, Индия, январь 2004 года) и Практического семинара на тему институционального анализа, организованного Институтом Коуза в сентябре 2005 года в Барселоне, Испания. Особая благодарность Филу Киферу и Владимиру Глигорову за их многочисленные предложения и замечания. Разумеется, ни один из наших названных выше уважаемых коллег не несет никакой ответственности за содержание данной работы.

¹ Здесь и далее под рентой, в отличие от экономического дохода, понимается часть чистого дохода, полученная в результате деятельности, которая не способствует созданию рыночной стоимости. Типичными источниками ренты являются эксплуатация природных ресурсов; перераспределение средствами насилия (в частности государственно-го); ограничение свободной конкуренции или монопольный заговор; обман потребителей или инвесторов и т.п. Заметим, что рента как таковая не всегда общественно вредна, в частности в случае социальной помощи или субсидируемого образования. Но поиск ренты (или, как его еще называют, рентоориентированная деятельность или поведение) как вид экономического поведения считается вредным, поскольку он отвлекает ресурсы и усилия от поиска экономической прибыли, в ходе которого создается новая стоимость.

Это определение нужно отличать от распространенного в русско- и украиноязычной литературе марксистского определения ренты как любого дохода от собственности. Также нужно учитывать, что в современной экономике определение добавленной стоимости никоим образом не связано с материальным производством. К примеру, посредническая, торговая, спекулятивная, финансовая и другие виды экономической деятельности, прямо не связанные с материальным производством, создают добавленную стоимость, кроме случаев злоупотребления. Напротив, материальное производство может уничтожать стоимость, если рыночная стоимость его продукции не покрывает материальных затрат (*прим. редактора перевода*).

лируемых ее источников и способные в дальнейшем препятствовать установлению рыночного порядка. За счет этого механизма рыночные реформы могут происходить при отсутствии как “альтруистского” реформистского правительства, так и соответствующих групп интересов.

Ключевые слова: политическая экономия, реформы, Украина, клиентизм, переходной период.

В течение 1990-х и в начале 2000-х годов Украина пережила период реформ, в полной мере отвечавших “триаде Вашингтонского консенсуса”: либерализации, стабилизации и приватизации. Первое время Украина отставала от России по темпам своих рыночных реформ, но вскоре выравнялась в результате комплексного реформирования после кризиса 1998 года, который практически означал конец перехода страны к рыночной экономике. В 2004 году Украина вошла в список стран мира с самыми высокими показателями роста ВВП на душу населения.

Хотя факт проведения результативных реформ и не вызывает сомнения, конкретная мотивация относительно реформ и механизма принятия политических решений в плане их проведения вызывает противоречивые мнения. Вопрос: “Зачем проводились реформы?” является ключевым для понимания перехода к рыночной экономике в Украине и, вероятно, аналогичных исторических процессов в остальных постсоветских странах, а также, по-видимому, и некоторых других рентаориентированных обществах [Krueger, 1974]. При этом оказывается, что проблема правильного ответа на этот вопрос далеко не тривиальна и в литературных источниках преимущественно не освещается.

Для целей данного исследования мы определим рентаориентированное общество как двухсекторную модель экономики, в которой сектор поиска ренты превалирует над сектором, создающим добавленную стоимость. Под рентой мы понимаем любой вид дохода, получаемый в результате:

- принудительного перераспределения стоимости, созданной другими, в частности:
 - явного перераспределения (например, в виде субсидий),
 - или скрытого перераспределения (например, протекционизма или предоставления монопольных полномочий)¹,
- присвоения уже имеющихся материальных ценностей.

Для искоренения поисков ренты необходимы три вида институтов:

- права собственности, которые здесь и далее понимаются нами как остаточные права контроля над любым видом имущества, в том числе над государственными средствами;
- рыночная конкуренция и/или
- эффективное государственное управление, способное предупредить:
 - частное присвоение ренты от природных ресурсов,
 - общественно неэффективное распределение расходов бюджета и/или
 - плохое регулирование деятельности естественных монополий.

¹ Определение монопольной ренты неприменимо в случае естественных монополий, когда “рыночная” стоимость не может определяться конкуренцией.

Эти институты взаимосвязаны друг с другом.

Защищенная монополия действительно нарушает права контроля со стороны потребителей, ограничивая их выбор, а также права потенциальных конкурентов — ограничивая возможности их доступа на защищенные рынки. Еще важнее то, что слабые права собственности несовместимы с конкуренцией.

Согласно Демзецу [Demsetz, 1967], права частной собственности можно рассматривать как особый тип ограничений, которые защищают потенциальные источники ренты от чрезмерного присвоения (известного как “трагедия общин”, или “проблема общего ресурса” — к примеру, бесконтрольный вылов рыбы) путем предоставления ренты только собственникам имущества. Если же права собственности слабые, для предупреждения чрезмерного присвоения необходимы какие-то другие институты, способные установить ограничения в поиске ренты. Но, в отличие от прав частной собственности, любые виды альтернативных институтов имеют тенденцию ограничивать также рыночную конкуренцию.

Ограничение поиска ренты — необходимая предпосылка внедрения прав собственности и возникновения по-настоящему реформаторского правительства. Сонин [Sonin, 2002], Полищук и Савватеев [Polishchuk, Savvateev, 2000], а также Хофф и Штиглиц [Hoff, Stiglitz, 2004] указывают, что самые богатые “олигархи” не заинтересованы в учреждении прав собственности и должного управления до тех пор, пока существуют привлекательные возможности для поиска ренты, связанные со слабостью законности. Если при этом избиратели, сопротивляющиеся поискам ренты, оказываются недостаточно политически представленными, власть в государстве могут “захватить” олигархи, которые не горят желанием осуществлять реформы, потенциально угрожающие поискам ренты [Hellman, 1998; Hellman, Jones, Kaufmann, 2000]. Таким образом возникает порочный круг: слабые права собственности способствуют поискам ренты, которые, в свою очередь, в дальнейшем ослабляют права собственности. Впрочем, с исторической точки зрения аналогичные примеры этапов “плохого”, но затяжного равновесия [Sonin, 2002] можно найти в разных странах — даже в тех, которым удалось превратиться в зрелые демократические государства с рыночной экономикой.

Итак, должен быть какой-то выход из описанного выше порочного круга. Рентоориентированное общество должно быть способно к жизненно необходимым изменениям, даже если в них не заинтересована ни одна из господствующих политических сил. Мы утверждаем, что именно это случилось с Украиной во второй половине XX века. Здесь все основные изменения произошли не в виде сознательно упорядоченных рыночных реформ, внедряемых филантропическим правительством (как это нередко предполагается в нормативных источниках, сосредоточенных скорее на рецептах, нежели на объяснениях и анализе), — наоборот, они были навязаны власти как сам собой свершившийся в процессе перехода факт, либо осуществлялись как неотвратимые и неотложные меры, необходимые для предотвращения или преодоления кризиса.

Некоторые теоретические модели предоставляют такую возможность: МакГвайер и Олсон [McGuire, Olson, 1996] предполагают, что рациональ-

ный правитель¹, даже сам будучи искателем ренты, все же должен создавать определенное количество общественных благ для обеспечения экономической эффективности и таким образом ограничивать поиск ренты для максимизации собственной выгоды. Диксит, Гроссман и Хелпман [Dixit, Grossman, Helpman, 1997] указывают, каким образом он может достичь этого, играя в игру “разделяй и властвуй” — даже если будет “захвачен” разнообразными интересами искателей ренты. Но оказывается, что эти модели не соответствуют исторически наблюдаемой устойчивости поиска ренты. Простого сочетания их с моделями “плохого” равновесия (даже если это возможно) все равно недостаточно для понимания эволюции рентоориентированного общества, поскольку эти модели не способны дать ответ на следующие критически важные вопросы:

Когда и почему общество, основанное на поисках ренты, остается относительно стабильным в определенные промежутки времени? Что должно измениться, чтобы заставить его реформироваться? Какие силы могут со временем вывести рентоориентированное общество из состояния “плохого, но устойчивого равновесия”? Как это происходит?

Хотя эти движущие силы иногда могут изменяться, они должны оставаться в стороне от тех политико-экономических факторов, которые отвечают за существование “плохого” равновесия. Что касается Украины, то Пасхавер [2003] классифицирует реформы 1990-х как своего рода революцию, которую он определяет как радикальные изменения, направленные определенными внешними силами, остающимися вне зоны контроля со стороны правительства, и обусловленные внешним вызовом модернизации, с которым пришлось столкнуться Украине.

Вместе с тем до сих пор непонятными остаются механизмы, трансформирующие в итоге такие долгосрочные модернизационные тенденции и внешние потрясения в успешные экономические и политические реформы. Наше исследование делает попытку восполнить этот пробел в истории Украины 1990-х годов.

Политическую экономию рентоориентированного общества описывает иерархическая модель “арбитры–клиенты”. Мы доказываем, что на определенном этапе своей эволюции рентоориентированное общество может нуждаться в авторитарном правителе (“арбитре”) в качестве “меньшего зла” — правителе, способном уменьшать чрезмерное потребление или потери от жестокой внутренней борьбы между искателями ренты. Такой арбитр, в свою очередь, подавляет (или вытесняет) социальный капитал² [Putnam et al., 1993], демократические институции и другие альтернативные общественные и политические механизмы, которые могли бы заменить его в этой роли. В условиях такой политической системы остальные ведущие участни-

¹ Такие правители почти всегда являются мужчинами, поскольку их власть преимущественно базируется на патримониальных институтах. Безусловно, это трудно назвать комплиментом в адрес мужчин.

² По Роберту Патнему, социальным капиталом называют “... коллективную ценность всех “социальных сетей” и создаваемых на их основе склонностей делать что-то в пользу друг друга”. Согласно Патнему и его последователям, социальный капитал является ключевой составляющей формирования и сохранения *демократии*.

ки процесса поисков ренты (которых обычно называют “олигархами” или “кланами”) становятся клиентами арбитра.

На общественном уровне люди не видят смысла преодолевать поиск ренты и развивать рыночные институты до тех пор, пока они воспринимают рыночные операции как своего рода игру с нулевой суммой¹, а значит, не способны осознать преимущества рыночного распределения над принудительным повторным перераспределением, которое практикует арбитр. Подобное восприятие является отражением того факта, что именно рента, а не экономическая прибыль, получаемая за счет повышения производительности, которую несет рыночная конкуренция, преимущественно является источником доходов зажиточных членов рентоориентированного общества. Кроме того, потери экономической эффективности из-за ограничения конкуренции интуитивно неочевидны, тогда как потери, обусловленные чрезмерным потреблением вследствие неограниченной конкуренции за ренту, остаются гораздо более заметными. Эти факторы легитимизируют возможности арбитра осуществлять принудительный контроль и координацию.

Неспособность отличить ренту от экономической прибыли, связанной с повышением производительности, делает доход от коммерческой деятельности и накопленные богатства одинаково незаконными независимо от источников их происхождения. То есть общество оказывается неспособным избирательно сдерживать поведение, направленное на поиск ренты. Более того, наделенные таким восприятием люди не ограничивают арбитра в сохранении монопольной ренты в пользу его клиентов. Оба результата ведут к дальнейшему расширению поиска ренты.

Приобщив эти аргументы к процитированному выше описанию “плохого” равновесия, мы утверждаем, что рентоориентированное общество под руководством достаточно сильного арбитра представляет собой самодостаточную систему.

Однако наша модель, в отличие от выше приведенных исследований, демонстрирует, каким образом повышение стоимости централизованного контроля и координации хозяйственной деятельности (вызванное, в свою очередь, научно-техническим прогрессом и эволюцией общества) уменьшает способность арбитра к сохранению источников ренты. В то же время другие общественные механизмы и институты, способные предупредить чрезмерное потребление, будут оставаться подавляемыми (как отмечалось выше) до тех пор, пока он формально будет сохранять власть. Соответственно, определенная часть экономики будет находиться вне всякой формы контроля и координации вообще. Такая “брешь в контроле” ведет к чрезмерному потреблению ренты, а значит, к кризису. Последнюю проблему иногда можно разрешать временным восстановлением авторитарного или тоталитарного контроля и координации. Но если процесс распада заходит слишком далеко, реформа, позволяющая создать конкурентный рынок в определенных сегментах экономики, становится меньшим злом для искателей ренты при власти, поскольку они в любом случае не могут эти сегменты контролировать.

¹ Тип игры, в которой весь банк распределяется между игроками с тем, чтобы общая сумма выигрышей и проигрышей всегда равнялась нулю.

Проблема координации в рентоориентированном обществе Украины

Некоординированные поиски ренты ведут к чрезмерному потреблению источников ренты (“неконтролируемому вылову рыбы”) или растранижению ее на непродуктивные взаимные конфликты, как это описал Таллок [Tulloch, 1980]. Плохо контролируемые производственные фонды (например, государственные активы при слабом или чувствительном к группам интересов правительстве) оказываются в плену многочисленных фирм-паразитов, состоящих между собой за возможность эксплуатации этих фондов. Группы интересов начинают чрезмерно потреблять государственный бюджет. Как следствие для финансирования дефицита бюджета используют либо инфляцию, либо чрезмерное налогообложение. Это, в свою очередь, как описывают Торнелл и Веласко [Tornell, Velasco, 1992], разрушает базу налогообложения. То же касается и “зеркальных” описываемой ситуации феноменов уклонения от уплаты налогов и лоббирования налоговых льгот, исследованных Кауфманном и др. [Kaufmann et al., 1999]. Некоординируемые монополии, конкурируя за свою долю в общей монопольной ренте, повышают свои цены и понижают объемы производства, увеличивая таким образом общественные потери от монополизации (см.: [Cournot, 1963]; цит. в: [Sonnenschein, 1968])¹.

Хорошо укорененные и распределенные права собственности могут либо решить эти проблемы, либо открыть путь к эффективному распределению собственности. Но если эти права слабые или нечетко определенные, социально-экономическая система, чтобы быть устойчивой хотя бы на краткосрочную перспективу, будет нуждаться в каком-то ином источнике координации. Например, сильные патриотические чувства, верования или другие факторы культурного характера могут ограничивать конкуренцию и устанавливать определенные действенные ограничения на присвоение ренты.

Украина унаследовала другой вид координации, который мы называем “иерархией арбитр–клиенты” (она подробнее описана ниже). В этой стране координацию обеспечивает посторонний игрок, напоминающий “оседлого бандита”² в терминах Мансура Олсона, не способного самостоятельно получить ренту, однако наделенного монопольными полномочиями использо-

¹ Курно рассматривает две фирмы, одна из которых является монопольным поставщиком определенного промежуточного продукта, а другая — тоже монопольным потребителем такого продукта и одновременно монопольным производителем определенного конечного продукта (например, ракетного топлива и ракет). Аналогично эта модель применима к нескольким монополиям, производящим комплементарные продукты, которые имеют определенную потребительскую ценность лишь при условии объединения в определенную комбинацию (те же ракеты и установки для их запуска). Оба случая наблюдаются в высокоспециализированных промышленных отраслях — например, в машиностроении и военной промышленности. Курно называет такие фирмы “комплементарными монополиями” и показывает, что их слияние (“вертикальная интеграция”) ведет к снижению цен на готовую продукцию и повышению объемов производства, а значит, увеличивает общественное благосостояние.

² Олсон (Olson, 2000) утверждает, что, в отличие от хищнического “бандита-кочевника”, наживающегося за счет грабежей, осуществляя набеги на территорию соседей, “оседлый” имеет стимул удерживаться от хищничества и даже обеспечивать своим вассалам определенные общественные блага.

вать силу принуждения. Мы называем его **арбитром**, поскольку он уполномочен: а) единолично и *по собственному усмотрению* (англ. *arbitrary*) распределять “квоты” на ренту и б) обеспечивать выполнение своих решений. В таких условиях он способен изымать ренту, собранную другими участниками (например, через аукционное распределение квот¹) или обменивать ее часть на их политическую лояльность. Таким образом он становится патерналистским принципалом (патроном), который использует искателей ренты в качестве своих агентов (**клиентов**), которые на него “работают”². Арбитр действует, как собственник, обладающий источниками³ ренты, но разрешает своим клиентам забирать определенную часть ренты как вознаграждение за те выгоды, которые они добывают для него.

В рентоориентированном обществе такие структуры “арбитры–клиенты” образуют иерархию, в которой каждый арбитр более высокого уровня координирует поиски ренты на своем уровне, а арбитры низших уровней играют роль его клиентов вместе с фирмами соответствующего уровня, которые ищут ренту. Это позволяет (по крайней мере потенциально) обеспечи-

1 Например, перераспределяя квоты в пользу тех участников, которые предлагают ему большую часть ренты или более высокий объем постоянных рентных поступлений.

2 Наша модель напоминает разработанную Дикситом, Гроссманом и Хелпманом [Dixit, Grossman, Helpman, 1997], но с некоторыми важными дополнениями.

Во-первых, мы позволили пулу ренты быть вариативным. Если его размер зависит от усилий правительства, последнее оказывается заинтересованным в максимизации общего объема ренты. В условиях весьма слабых демократических институтов этот интерес может перевесить интерес к обеспечению благосостояния граждан, поэтому государство в конце концов оказывается “захваченным”: правительство проводит политику, направленную на увеличение общего пула ренты в обмен на вклады компаний, связанных с поисками ренты. В частности, оно заинтересовано в ограничении поисков ренты с целью предотвращения чрезмерного потребления — так, как если бы оно было владельцем этого пула. При наличии достаточного политического выбора этот интерес превращает такое правительство в потенциального реформатора, заинтересованного в частичном осуществлении реформ, которые максимизируют ренту, но не в их завершении, которое может принести максимизацию общественного благосостояния. Итак, согласно данной модели, в ситуации слабых демократических институтов реформы остаются частичными, даже если правительство кажется “сильным”.

Во-вторых, мы указываем, что модель Диксита и др. рассматривает правительство как посредника, обеспечивающего хозяев рентой. Но в действительности оно имеет дискреционные полномочия в плане распределения ренты между лоббистами — и это делает правительство их боссом. Если заглянуть чуть глубже и отметить, что на самом деле активным добытчиком ренты является не правительство, а компании, которые ее ищут, в итоге получим модель с множеством посредников, которую мы считаем наиболее близкой к украинским реалиям.

В-третьих, мы не придерживаемся фиксированной нормы общего распределения ренты между руководителями и их посредниками. При этом отношения между руководителем и агентом превращаются в патерналистские, поскольку количество ренты, остающееся у посредника, становится предметом переговоров и может быть обменено на лояльность клиентов. Наиболее ярким в этом случае примером является гибкая бюджетная политика” (ГБО), описанная Корнаи (Cornai, 1986) как государственный патернализм относительно предприятий в условиях централизованного планирования.

3 Учитывая остаточные права контроля и право на денежные поступления, которые не обязательно предполагают какой бы то ни было уровень титульных прав собственности.

вать контроль и координацию на всех уровнях на аналогичных принципах, воплощенных в патриархальных общественных нормах.

Рентоориентированное общество как система

Получив в свое время полномочия контролировать источники ренты, арбитр становится заинтересованным в расширении своей власти и увеличении ренты и способным достигать этого путем подавления конкуренции (например, насильственной картелизацией) в других отраслях. Заметим по ходу, что таким образом он создает комплементарные монополии Курно, а значит, должен вовлекаться и в координацию их деятельности. Расширение поиска ренты увеличивает неравномерность доходов в обществе, а также ослабляет права собственности; соответственно, конкурентоспособные фирмы вынуждены противостоять этому. В этой борьбе они могут получить поддержку со стороны широких масс обедневшего населения. Но пока арбитр координирует деятельность искателей ренты, до тех пор потребность в альтернативном координировании будет оставаться слабой. Этим можно частично объяснить, почему в условиях авторитарного и тоталитарного режимов гражданское общество остается слабым (по наблюдению Патнема и др. [Putnam et al., 1993]¹). Кроме того, как отмечалось выше, человек склонен рассматривать хозяйственную деятельность как своего рода игру с нулевым результатом — восприятие, известное в антропологии, как “представление об ограниченности благ” (“the perception of the limited good” [Foster, 1965]). Это весьма распространенное видение, не позволяющее отличать экономическую прибыль от ренты: если первая возникает в результате конкурентного распределения и повышения производительности, которые увеличивают доходы и общее благосостояние, то последняя является результатом принудительного перераспределения доходов и углубляет имущественное неравенство.

Люди склонны терпеть поиск ренты до тех пор, пока они считают любой выше среднего уровень благосостояния результатом “грабежа” (за исключением узаконенного в виде выданной властью награды). Они не видят преимуществ в рыночной координации в отличие от той координации, которую проводит арбитр. Они верят, что при отсутствии последнего рынок просто обеспечит перераспределение благосостояния в пользу маленькой группы предпринимателей и спекулянтов, которые бесконтрольно “выкачивают” доходы из остальных граждан. Они требуют — и ожидают — перераспределения части ренты в свою пользу как вознаграждения за их лояльность к правителю. Таким образом арбитр получает легитимность, а население само превращается в искателей ренты. Более того, люди не сопротивляются подавлению конкуренции в секторе, создающем добавленную стоимость, как это было описано выше.

Фирмы также не заинтересованы удерживаться от поисков ренты, поскольку их собственность одинаково нелегитимна независимо от ее проис-

¹ Безусловно, слабое гражданское общество, в свою очередь, делает возможным поиск ренты как явление — это еще одно проявление, подтверждающее наличие “порочного круга” равновесия в рентоориентированном обществе. Впрочем, остается главный вопрос: почему люди не объединяют усилий для совместной борьбы против поисков ренты.

хождения. Таким образом, даже “честная” фирма, испытав посягательства то ли со стороны арбитра, то ли от другой фирмы, не может надеяться ни на какую защиту со стороны общественности. Абсолютное большинство компаний ищут ренту до тех пор, пока эта деятельность приносит позитивные результаты (как это в основном и бывает), поэтому “представления об ограниченности благ” становится самореализуемым пророчеством.

Эти обратные связи делают такую политико-экономическую систему самодостаточной в течение определенного промежутка времени, несмотря на ее многочисленные недостатки (в частности, описанные в: [Shleifer et al., 1993; [Murphy et al., 1991]). К тому же система подобного типа способна возрождаться даже после того, как некоторые ее составляющие будут изъяты. Например, если арбитр по какой-то причине исчезает, а искатели ренты остаются, ничто не сможет помешать нескоординированным поискам ренты, которые довольно быстро приведут к истощению в результате чрезмерного потребления. И если общественное сознание не изменится, новый арбитр, способный “восстановить порядок”, окажется желаемым.

Реформы в условиях поисков ренты

Применив теорию фирмы Коуза [Coase, 1937] к рентоориентированному обществу, можно высказать гипотезу о том, что авторитарный правитель, максимизирующий ренту, распространяет свой контроль лишь до тех пределов, в которых выгода (предельная рента) от дополнительной “единицы” контроля превышает стоимость такого контроля. Тоталитарный арбитр, максимизирующий свою власть как таковую, ограничен, однако, своим бюджетом: он может расширять ее только до тех пор, пока у него хватает средств для обеспечения контроля и координации. Такие максимизационные принципы и бюджетные ограничения всегда оставляют немного места для прав собственности и экономических свобод, которые в определенной степени существовали даже в условиях показательно и идеологически тоталитарного советского режима.

Но сфера контроля арбитра обнаруживает тенденцию сокращаться во времени. Его контроль подрывают долгосрочные тенденции общественного сознания (по типу эрозии патриархальных норм подчинения авторитарному правлению и традициям). Научно-технический прогресс повышает разнообразие технологий и товаров, увеличивая стоимость координации и сужая поле ее действия. Те же тенденции обостряют проблемы арбитра–клиенты¹, увеличивая возможности клиентов торговаться в процессе переговоров с арбитром. Это еще больше сужает его контрольные полномочия и возможности предупреждать чрезмерное потребление. Вынужденный согласиться на меньше зло, арбитр решает отказаться от некоторых своих рычагов контроля. Мы классифицируем такой шаг как “деструктивный” этап реформирования. Следует отметить, что реформы подобного типа происходят (по крайней мере, отчасти) в форме “пассивного” восприятия реальности (неэффективности контроля и координации), а не как сознательный шаг к рыночной экономике.

¹ Аналогично известной проблеме принципал–агент.

Авторитарный арбитр также заинтересован в максимизации эффективности сектора, который остается вне сферы его прямого контроля, — остаточного сектора, создающего добавленную стоимость, — поскольку он может непрямо способствовать увеличению его ренты [McGuir, Olson, 1996]. Выходит, арбитр, занимающийся максимизацией ренты, также может сознательно содействовать частичным рыночным реформам и появлению определенных институтов демократического общества. Этим отмечен “конструктивный” этап реформирования. Эти два этапа реформирования со временем сужают сектор поисков ренты.

Мы называем такие реформы *системными*, поскольку, достигая определенной критической массы, они постепенно изменяют фундаментальное равновесие между секторами поисков ренты и создания добавленной стоимости и, следовательно, могут подорвать основы описанной выше системы рентоориентированного общества.

Обеспечение определенной последовательности описанных выше этапов очень важно для успеха реформ и, особенно, для общественной цены, связанной с выходом из рентоориентированного равновесия. Многие выдающиеся ученые утверждают, что реформы будут успешными, если они разработаны так, чтобы (в наших терминах) конструктивный этап всегда предшествовал деструктивному, что возможно только при условии постепенности их [Dewatripont, Roland, 1992; Polterovich, 2001; Stiglitz, 1999; Roland, 2002; и др.]. В придачу к очевидному аргументу в пользу того, что обратная последовательность (то есть деструктив, предшествующий конструктиву) неизбежно влечет общественные потери, они также отмечают, что группы с особыми интересами (по Хеллману [Hellman, 1998] — “промежуточные победители”), появление которых авторы этой работы связывают с деструктивным этапом, препятствуют дальнейшему конструктиву. Соответственно, внезапная либерализация — и отсюда, по нашей модели, упразднение принудительного контроля и координации — могут привести в “институциональную ловушку” [Polterovich, 2001], что объясняет феномен частичных реформ в переходный период. Штиглиц [Stiglitz, 1999] исходя из этих соображений доказывает, что обратную последовательность вышеупомянутых этапов реформ, а отсюда — образование рыночных институций к моменту отмены административного контроля и координации способно предотвратить частичное реформирование.

Такая рекомендация безусловно предполагает нахождение при власти филантропического реформистского правительства, что вряд ли возможно в условиях рентоориентированного общества. Но даже в этом случае существуют многочисленные проблемы с выполнением такой стратегии постепенного внедрения реформ.

- Правительство может оказаться недостаточно сильным для того, чтобы преодолеть сопротивление тех, кто боится потерь вследствие таких реформ и потому сопротивляется появлению новых институций. Для ослабления этих групп интересов может понадобиться деструктивный этап.
- То, что может создать правительство, — это просто формальные рыночные и демократические институты, которые могут быть эффективными только при поддержке со стороны аналогичных неформальных [North, 1990] (укр. перевод см. в: [Норт, 2000]). Последние

возникают в результате появления общественной потребности в них. Этот процесс требует времени и обычно начинается в момент формальной отмены функций арбитра в плане контроля и координации [Пасхавер, 2003].

- Общественное сознание, сформированное в условиях рентоориентированного общества, должно пережить длительный процесс эволюции, чтобы сделать рыночные и демократические институты действенными.
- Правительство или правитель могут самоограничиваться определенными идеологическими или культурными традициями (например, религией, коммунистической идеологией, патернализмом и т.п.), которые, с одной стороны, легитимизируют их власть, но с другой — могут оказаться несовместимыми с рыночными и демократическими институтами. Не сумев найти идеологическое оправдание реформам, такое правительство (или правитель) рискует подорвать собственную власть, создавая институты, потенциально способные свести ее на нет. Именно по этим причинам многочисленные попытки авторитарной модернизации потерпели поражение, несмотря на добрые намерения их инициаторов.

Однако наиболее серьезным препятствием является отсутствие у рационального арбитра-искателя ренты каких-либо стимулов к активному продвижению реформ — особенно до того, как он ощутит фактическое уменьшение своих возможностей в плане контроля и координации. Абсолютно рациональный арбитр занялся бы необходимыми реформами немедленно, одновременно с процессом такой эрозии. Но в действительности правители всячески оттягивают их внедрение. Во-первых, реформы всегда несут определенный риск неудачи (причем серьезной). Даже если арбитр не имеет проблем с неприятием рисков, связанные с возможной неудачей предполагаемые потери могут перевесить ожидаемые приобретения, разве что кризис окажется неотвратимым. Во-вторых, арбитр оперирует несовершенной информацией, поэтому не всегда может адекватно оценить свои реальные возможности.

В итоге реформы оказываются запоздалыми и частичными. Соответственно, некоторые секторы в течение определенного времени остаются вне зоны какого-либо контроля и координации, становясь жертвами чрезмерного потребления ренты. Такая *брешь в контроле* возникает еще до начала системных реформ. Более того, после возникновения она способствует распространению неформальных практик поиска ренты (по типу коррупции, контрабанды или деятельности на черном рынке) и соответствующих структур (той же мафии).

Эти практики и структуры обычно уменьшают различие между формальными и фактическими институциональными структурами. Например, благодаря рынку или арбитражу они могут частично компенсировать недостатки распределения к моменту старта системной реформы. Группы интересов, связанные с определенными сегментами сферы поисков ренты, могут поддерживать деструктивный этап реформ, ожидая преимуществ в результате углубления бреши в контроле, обусловленной ликвидацией остатков возможностей контроля и координации со стороны арбитра. Но такие

*промежуточные победители*¹ [Hellman, 1998] в действительности имеют значительную заинтересованность в приостановлении реформ после завершения указанного этапа, чтобы — как доказывают сторонники постепенности реформирования, — оставить *их* частичными, незавершенными. Впрочем, как позволяет предположить наша модель, идея постепенности реформирования не мешает возникновению таких победителей — наоборот: чем дольше начальная задержка, тем более глубокой и долгой становится брешь в контроле. В таких ситуациях промежуточные победители становятся сильнее, цементируя имеющиеся структуры.

Однако их роль не является сугубо негативной из-за наличия искренней заинтересованности в реформах (по крайней мере, в их деструктивном этапе). Хотя этот этап в самом деле может еще больше углубить брешь в контроле, он одновременно открывает путь для развития игроков и институтов конкурентного рынка. Таким образом, промежуточные победители изначально играют положительную роль, обеспечивая спрос на проведение реформ (хотя и с последующим их “замораживанием” при условии “плохого” равновесия). Мы также доказываем, что равновесие, возникающее таким образом, в долгосрочной перспективе **неустойчиво**. В отличие от арбитра, промежуточные победители не являются всеохватывающими² [encompassing], а значит, ведут себя как хищники. Они не имеют внутренних механизмов координации, поэтому их попытки искать ренту фактически ограничиваются только силой арбитра. Если альтернативные источники координации — такие, как гражданское общество — слабы (а именно таковы они при правлении арбитра), тогда ничто не помешает промежуточным победителям превысить меру в присвоении ренты. Обусловленный этим кризис ослабляет промежуточных победителей и одновременно способствует появлению у арбитра интереса к внедрению конструктивного этапа реформ. Согласно результатам, полученным Дразеном и Истерли [Drazen, Easterly, 2001], кризис действительно способствует завершению реформ.

И все же арбитр заинтересован прекратить дальнейшее реформирование, как только будет преодолен определенный конкретный кризис чрез-

¹ Мы будем использовать этот термин для определения группы участников описанных выше неформальных договоренностей и практик поиска ренты, тех, кто заинтересован в углублении и дальнейшем существовании бреши в контроле. Вместе с тем, в отличие от Хеллмана [Hellman, 1998], Полтеровича [Polterovich, 2001] и других исследователей постсоветских экономик переходного периода, которые представляют одно направление научной мысли, мы делаем акцент на том, что настоящим источником ренты, привлекающим промежуточных победителей, является не деструктивный этап реформы как таковой, а брешь в контроле, образовавшаяся из-за промедления с осуществлением таких реформ.

² Олсон (Olson, 1980) утверждает, что чем крупнее участник или группа, являющиеся искателями ренты, тем большей является доля общественных потерь от поисков ренты, с которыми им приходится сталкиваться. В итоге всеохватывающий участник имеет стимул к самоограничению, поскольку вынужден заботиться о сохранении собственных источников ренты. Игроки или группы меньшего калибра, напротив, как правило, склонны присваивать такое количество ренты, которое они только смогут получить, не страдая при этом от создаваемых ими внешних эффектов. Соответственно, они могут позволить себе игнорировать убытки, которые создают, не имея при этом причин для самоограничения.

мерного потребления. Вот почему каждый кризис приводит к новому временному равновесию в поисках ренты (например, вроде описанных в: [Sonin, 2002; Polishchuk, Savvateev, 2000; Hoff, Stiglitz, 2004; Polterovich, 2001]). Но любой неполный набор рыночных институтов неустойчив, поэтому новый кризис не заставит себя долго ждать. Последующие кризисы и соответствующие системные реформы происходят друг за другом по принципу цепной реакции. Этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока рендоориентированный сектор экономики не сократится настолько, что рыночные контроль и координация начнут доминировать; а значит, конкурентный рыночный сектор превратится в базис прорыночных и продемократических политических сил.

Конструктивный этап реформ обеспечивает немедленное повышение благосостояния, а значит, может стать популярным. Таким образом системные реформы могут получить общественную поддержку, что является итогом своеобразного процесса обучения на собственном опыте. Постепенно формируется активное гражданское движение, которое поддерживает права собственности, рыночную конкуренцию и демократические инструменты контроля за государственной властью. Начиная с этого момента голос общественности может стать движущей силой дальнейших реформ. Силы, поддерживающие реформы, становятся активными, поэтому новые институты, уже возникшие в рыночном секторе, могут продолжить процесс уничтожения контролирующих и координационных возможностей арбитра без создания бреши в контроле.

Описанный механизм определяет особый способ проведения этих реформ переходного периода (“Как?”) и их результаты (“Насколько хорошо?”).

Реформы в Украине: “прыжок” в несколько этапов

В Украине ослабление тоталитарного контроля началось по крайней мере с момента, когда смерть Сталина привела к значительному расширению межличностных сетей взаимного обмена на основе “блата”. Либерализация цен 1992 года была “пассивной” системной реформой, на которую правительство вынуждено было согласиться в результате того, что послабление централизованного контроля и координации зашло слишком далеко. Позже эта брешь в контроле была преимущественно закрыта двумя волнами реформ (каждая из которых была реакцией на кризис): монетарной стабилизации и приватизации (1995–1996) и фискальной стабилизации в сочетании с ограничением государственного патернализма в отношении предприятий (1999–2001). Однако из-за живучести глубоко укорененных рендоориентированных межличностных сетей рыночная адаптация после начального шока оказалась отсроченной почти на восемь лет, что обусловило очень высокую общественную цену.

В терминах описанной выше модели, в позднесоветском обществе экономическая и административная верхушка состояла преимущественно из искателей ренты и находилась под жестким контролем и координацией арбитров, которые максимизировали власть как таковую и большинство из которых принадлежало к кругам партийной номенклатуры. Очерченный подход позволяет проследить связь между процессами общественной эволюции и ослабления контроля: разочарование в коммунистической идеоло-

гии подорвало легитимность коммунистической партии как главного арбитра, ответственного за обеспечение контроля и координации. В итоге эрозия тоталитарного контроля в СССР, которая позже привела к реформам, началась по крайней мере со смертью Сталина — почти за сорок лет до настоящего начала рыночных реформ. Именно этот длительный упадок, а не первая волна реформ (1992) как таковая привел к бреши в контроле, что, в свою очередь, обусловило глубокую первичную рецессию. Эта брешь была почти полностью ликвидирована в течение второй и третьей волн реформ, пришедшихся на 1994–1996 и 1999–2001 годы соответственно.

В частности, радикальный характер либерализации цен в Украине был неизбежным следствием лавиноподобного развала советской системы, а не результатом внедрения определенных радикальных реформаторских идей. Реформаторов призвали к власти в России и Польше потому, что они были более готовы к проведению радикальных, но неизбежных мер. Украинскому правительству пришлось отменить свои инструменты контроля за ценами одновременно с российскими коллегами, независимо от того, какими были его начальные намерения. Но поскольку в Украине реформаторы были политически слабее своих российских единомышленников, институциональные и структурные реформы в Украине оказались отсроченными. В итоге в начале 1990-х годов в Украине возникло нечто вроде “рыночного социализма”, ведущими игроками которого были плохо контролируемые властью государственные предприятия. Работая в условиях свободного ценообразования, они продолжали получать субсидирование в виде льготных кредитов, открытых субсидий и дешевых импортируемых энергоресурсов. Результатами существования таких условий стали пятизначная гиперинфляция и глубокий экономический упадок. Мы приписываем это в основном политическому господству “красных директоров” при отсутствии арбитров, способных предупредить чрезмерное присвоение ренты.

Итак, чрезмерное потребление основных первичных источников ренты (в первую очередь в виде повышения относительных цен на энергоресурсы и истощение поступлений от “инфляционного налога”) привело к штурвалу власти авторитарного арбитра — Президента Кучму, которому удалось частично восстановить контроль и координацию. И поскольку полная реставрация (то есть возвращение к тоталитарному режиму) было невозможно, украинские “красные директора” в своей массе оказались клиентами, не слишком подчиняющимися контролю со стороны арбитра. Таким образом, Кучме, вопреки его начальным намерениям и предвыборным обещаниям, пришлось заняться реформами, в частности стабилизацией национальной валюты и массовой приватизацией.

Эти реформы благодаря укреплению прав собственности позволили частично закрыть брешь в контроле. Как и Ельцын, Кучма стал арбитром бизнес-административных групп, которые позже ощутили на себе преимущества реформ уже с момента их внедрения, хотя были слишком слабы, чтобы раньше самостоятельно их осуществить. Вместе с тем эти меры, несмотря на их успех в предупреждении коллапса, оказались недостаточными, чтобы дать экономике второе дыхание. Однако они привели к появлению некой “виртуальной экономики” [Ickes, Gaddy, 1998] — непрозрачной системы хождения, при которой расцвели подтасованная бухгалтерия, неплатежи, бартерные операции, бюджетная задолженность и множество других

непрозрачных процедур взаиморасчетов, необходимых для маскировки поисков ренты. Извне это обеспечивалось рентой, полученной в результате безответственной политики внешних займов, поддерживаемых патерналистским отношением международных кредитно-донорских институций к Украине.

Но вскоре эти внешние источники тоже оказались исчерпанными (вследствие “чрезмерного потребления”), и это создало кризис 1998–1999 годов. Кризис принес с собой третью волну реформ, на этот раз в направлениях фискальной стабилизации и уменьшения государственного патернализма относительно предприятий. Эти реформы обуславливали и экономический рост, и повышение благосостояния населения. Можно было бы также отметить, что эти события проложили путь “оранжевой революции” 2004 года, но считаем, что с уверенностью делать какие-либо заявления в этом отношении пока рано.

Таким образом, в результате реформ брешь в контроле удалось в основном закрыть, а страну — вернуть на путь развития. Вместе с тем глубина этой бреши и промедление с проведением необходимых реформ в последние годы существования СССР привели к расцвету временных структур, которые в значительной мере обусловили возникновение, по определению Полтеровича [Polterovich, 2001], институциональных ловушек, помешавших внедрению права собственности и рыночной координации, еще больше повышая общественную цену всего процесса этих драматических изменений.

Основной урок из этого таков: реформы могут происходить даже при отсутствии хотя бы одной заинтересованной в них основной политической силы. Они могут выглядеть хаотичными, запоздалыми или неполными, а значит, неспособными предотвратить высокую общественную цену, обуславливаемую стабильным существованием бреши в контроле — но они также могут оказаться единственным путем модернизации рентоориентированного общества.

Литература

- Норт Д.* Институції, інституційна зміна та функціонування економіки. — К., 2000.
- Пасхавер А.* Українські реформи, або Приватизацію ніхто не любить // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2003. — № 4. — С. 61–85.
- Coase R.* The Nature of the Firm // *Economica*. — 1937. — 4(16). — P. 386–405.
- Cournot A.* Researches into the Mathematical Principles of the Theory of Wealth. — Homewood, Ill., 1963 (original published in French, 1838).
- Demsetz H.* Toward a Theory of Property Rights // *The American Economic Review*. — 1967. — Vol. 57. — No. 2. — P. 347–359.
- Dewatripont M., Roland G.* The Virtues of Gradualism and Legitimacy in the Transition to a Market Economy // *The Economic Journal*. — 1992. — Vol. 102. — No. 411. — P. 291–300.
- Dixit A., Grossman G., Helpman E.* Common Agency and Coordination: General Theory and Application to Government Policy Making // *Journal of Political Economy*. — 1997. — 105. — P. 752–769.
- Drazen A., Easterly W.* Do Crises Induce Reform? Simple Empirical Test of Conventional Wisdom // *Economics and Politics*. — 2001. — 13 (2). — P. 129–157.
- Foster G.M.* Peasant Society and the Image of Limited Good // *American Anthropologist*. — 1965. — 67. — P. 2.

Hellman J.S. Winners Take All. The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transitions // World Politics. — 1998. — 50. — P. 203–234.

Hellman J.S., Jones G., Kaufman D. Seize the State, Seize the Day. State Capture, Corruption, and Influence in Transition // Policy Research Working Paper. — 2000. — No. 2444.

Hoff K., Stiglitz J.E. After the Big Bang? Obstacles to the Emergence of the Rule of Law in Post-Soviet Societies // The American Economic Review. — 2004. — Vol. 94. — No. 3.

Ickes B., Gaddy G. Enterprises in Russia // Paper presented at the Academic Workshop on Corporate Governance in the Former Soviet Union: London Business School. — S.l., 1998.

Kornai J. The Soft Budget Constraint // Kyklos. — 1986. — 39(1). — P. 3–30.

Krueger A. The Political Economy of the Rent-Seeking Society // The American Economic Review. — 1974. — Vol. 64, Is. 3. — P. 291–303.

McGuire M.C., Olson M.Jr. The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // Journal of Economic Literature. — 1996. — Vol. 34. — No. 1. — P. 72–96.

Murphy K.M., Shleifer A., Vishny R.W. The Allocation of Talent: Implications for Growth // The Quarterly Journal of Economics. — 1991. — Vol. 106, Is. 2. — P. 503–530.

North D. Institutions, Institutions Change and Economic Performance. — Cambridge, 1990.

Polishchuk L., Savvateev A. Spontaneous (Non)emergence of Property Rights // IRIS Working Paper 241. — S.l., 2000.

Polterovich V. Institutional Traps // The New Russia: Transition Gone Away / Ed. by L.R.Klein, M.Pomer. — Stanford, CA, 2001.

Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. — Princeton, 1993.

Roland G. The Political Economy of Transition // Journal of Economic Perspectives. — 2002. — Vol. 16. — No.1. — P. 29–50.

Shleifer A., Murphy K., Vishny R. Why Is Rent-Seeking so Costly to Growth? // American Economic Review Papers and Proceedings. — 1993.

Sonin K. Why the Rich May Favor Poor Protection of Property Rights // William Davidson Working Paper. — 2002. — No. 544.

Sonnenschein H. The Dual of Duopoly Is Complementary Monopoly: or, Two of Cournot's Theories Are One // The Journal of Political Economy. — 1968. — Vol. 76. — No. 2. — P. 316–318.

Stiglitz J. Whither Reform? // Paper for 1999 ABCDE Conference, Washington DC: World Bank. — <http://www.worldbank.org/knowledge/chiefecon>.

Tornell A., Velsaco A. The Tragedy of the Commons and Economic Growth: Why Does Capital Flow from Poor to Rich Countries? // The Journal of Political Economy. — 1992. — Vol. 100. — No. 6. — P. 1208–1231.

Tullock G. Efficient Rent Seeking // Toward a Theory of the Rent-Seeking Society / Ed. by Buchanan et al. — S.l., s.a.